

Сегодня в полдень.

— Государь, — почтительно склонив голову, доложил канцлер Гу, — из Цюаньчжоу докладывают, что глава области Цянь Чживэй, убоявшись наказания, покончил с собой. Клан Цянь прислал покаянное письмо, а также сто двадцать одну счётную книгу, три миллиона шестьсот двадцать тысяч лянов серебра и сорок сундуков с драгоценностями и антиквариатом.

Гунгун Цинси подошёл, принял из рук канцлера покаянное письмо и передал его Цзи Су. Письмо было толстым. Цзи Су пробежал его глазами и, небрежно бросив на стол, холодно усмехнулся:

— А они быстры.

В письме говорилось, что двое сыновей Цянь Чживэя не могли больше смотреть на страдания народа Цюаньчжоу. Разрываясь между долгом и сыновней почтительностью, они умоляли отца признаться в своих преступлениях. Узнав об этом, старейшины клана взяли Цянь Чживэя под стражу, пересчитали награбленное и собирались отправить его в столицу на суд. Но Цянь Чживэй, убоявшись наказания, повесился в своей комнате. Клан Цянь не оправдал милости императора и просил о снисхождении.

Предыдущие доклады на Цянь Чживэя оставались без ответа. Их не обсуждали и не рассматривали, создавая неопределённость, чтобы взбаламутить воду и посмотреть, кто клюнет. Но не успела крупная рыба высунуться, как наживка исчезла.

— Какая преданность долгу и сыновней почтительности... — произнёс Цзи Су и снова холодно усмехнулся.

— Весьма искусный ход, — с улыбкой покачал головой канцлер Гу.

Дело о покушении на князя Жуя можно было трактовать и как серьёзное, и как незначительное. Государь не выказывал ни малейшего намерения наказывать Цянь Чживэя, но клан Цянь опередил его и заставил главу области покончить с собой... Клан Цянь был из простых, возвысился лишь благодаря Цянь Чживэю, ставшему главой области третьего ранга. Этот поступок был равносителен отсечению хвоста ради спасения жизни.

Откуда они получили сведения?

И если бы у них не было точных сведений, разве они пошли бы на такое?

Тот, кто стоял за Цянь Чживэем, был весьма могуществен. Если исключить случайность, то круг подозреваемых сужался до нескольких человек.

Канцлер Гу помедлил. Он думал, что это был князь Жуй.

Всё началось с поездки князя в Цзяннань. Как только он покинул столицу, на северо-западе начались волнения. Войска не двигались, но почтовых голубей стало заметно больше. Прибыв в Цюаньчжоу, князь сначала получил от Цянь Чживэя двести тысяч лянов серебра в качестве компенсации за «недоразумение», а потом, повздорив, продал его второго сына... Это казалось ребячеством, но можно было расценить и как демонстрацию силы.

Он всегда считал князя Жуя человеком с глубоко скрытыми намерениями. Этот князь славился своим распутным нравом, но если бы он был распутным до конца, канцлер бы поверил в его простоту. Однако в народе о нём отзывались хорошо, даже считали его в некотором роде добродетельным. Он не притеснял слабых, не обижал женщин, был отзывчив и имел широкий круг друзей в столице. Пусть это были и повесы, но все они были из влиятельных семей...

У Государя не было сыновей, а князь Жуй был законным сыном императрицы. С любой точки зрения его положение было весьма выгодным. С точки зрения законности, он был воспитан самим Государем, к тому же был на двенадцать лет моложе. Если брат умрёт, трон по праву перейдёт к нему.

С точки зрения заговорщиков, если бы князь Жуй, как родной брат Государя, обвинил его в неверности и непочтительности, в убийстве отца и узурпации трона, и предъявил бы поддельный указ покойного императора... он мог бы под знаменем законности поднять мятеж.

Так неужели князь Жуй действительно не хотел власти? Если Государь назначит наследником кого-то из своего клана, трон, который был так близок, ускользнёт от него.

Государь был в расцвете сил. Если только он не умрёт молодым, то, учитывая разницу в возрасте, князь Жуй, если и взойдёт на престол, то ненадолго. Между князем и тем, кто на северо-западе, были трения, но у того была одна смертельная проблема: он называл себя незаконнорождённым сыном покойного императора, в то время как князь был законным сыном императрицы и дружил с сыновьями влиятельных сановников. На чью сторону встанут придворные, было очевидно.

Самое интересное заключалось в том, что, кто бы ни победил — Государь или тот, с северо-запада, — князь Жуй в любом случае оставался в выигрыше.

Если победит Государь, он, как его родной брат, под защитой вдовствующей императрицы, будет в безопасности. Если победит тот, с северо-запада, он, как законный сын покойного императора, будет иметь на своей стороне право и справедливость. Если же они будут долго бороться и ослабят друг друга, в выигрыше снова окажется он. Государству нужен сильный правитель, в смутное время нельзя сажать на трон ребёнка.

Будь он на месте князя Жуя и стремись к власти, он бы тайно помогал северо-западу, используя их действия, чтобы завоевать доверие Государя, а действия Государя — чтобы

завоевать доверие северо-запада. Он бы извлекал выгоду из их борьбы и, когда придёт время, легко подтолкнул бы одну из сторон, и трон оказался бы в его руках.

С этой точки зрения, в деле Цянь Чживэя князь Жуй был главным подозреваемым. Он вырос рядом с Государем, они были родными братьями, неудивительно, что он мог угадывать его мысли. Использовать это дело, чтобы завоевать доверие северо-запада... Говорят, недавно в Лазурной Гвардии обнаружили предателя, и тоже в связи с покушением на князя?

Однако всё, что он видел, опровергало его догадки. Князь вышел из бокового дворца. Он понял, что тот давно вернулся в Яньцзин. А раз он живёт в Дворце Ясного Покоя, то «князь», который сейчас в Цзяннани, — это, несомненно, дело рук Государя.

То, о чём думал он, Гу Юньхэ, разве не мог додуматься до этого Государь?

Поэтому он и сказал, что князь — в милости у Государя.

Государь одним лёгким движением вытащил князя из этого клубка интриг. Он во дворце, живёт с Государем, каждый его шаг под контролем. Как он может быть виновен? А если и виновен, то не по попустительству ли самого Государя?

Подумав об этом, канцлер Гу поклонился.

— Кстати, о странных совпадениях, князь Жуй только что тоже говорил со мной о Цянь Чживэе.

— Он не годится для этого, — ровным голосом ответил Цзи Су.

Значит, это действительно не дело рук князя. Государь имел в виду, что князь неспособен на такие глубокие интриги.

Канцлеру Гу стало любопытно. Он был человеком, который по одной детали мог судить о целом. Когда князь спросил его о Цянь Чживэе, он понял, что Государь намеренно вводит его в курс государственных дел.

В таком случае, у князя не было необходимости... даже если он раньше и контактировал с тем, с северо-запада, то после того, как Государь дал понять, что собирается приобщить его к управлению, ему больше не было нужды с ним сотрудничать.

И тут он начал надеяться, что у князя всё-таки был план, как у той цапли, что ждёт, пока устрица и рыбак не сцепятся.

Цзи Су постучал пальцем по докладу. Цзи Вэйцю не то чтобы не годился, он был просто

безынициативным.

— Это дело я поручаю тебе, — приказал Цзи Су. — Месяц.

Канцлер Гу мысленно вздохнул, но в то же время почувствовал давно забытый азарт.

— Государь, прошу вас, дайте мне ещё несколько дней, — с улыбкой сказал он. — Давайте поспорим, успею ли я к возвращению князя.

...

После ухода канцлера Гу, гунгун Цинси, получив донесение, поспешил к императору.

— Государь, — прошептал он, — в резиденции князя Жуя кое-что нашли...

Цзи Су, играя с нефритовым кольцом, произнёс:

— Уничтожить.

— Слушаюсь, — помедлив, ответил Цинси.

Императорские одежды, нефритовая печать, письма — полный набор.

Именно потому, что всё было так идеально, это и казалось подделкой.

Так... неужели у него действительно ничего не было?

...

— Брат-император, я могу покинуть дворец?

Ночной рынок.

— ...спрашиваешь меня? — Цзи Вэйцю на мгновение замер. Его охватила паника. Почему у брата такой вид, будто он вывел его за порог, чтобы прикончить, лишь бы не пачкать дом? Раз он так спрашивает, значит, у него есть доказательства... Но разве он сам не знает, виновен он или нет?

Он мог поручиться, что сам он абсолютно чист.

Раз так, значит, проблема в его людях?

В его огромной резиденции было двести слуг, не считая стражников, управляющих, счетоводов. Причин, по которым они могли провиниться, было множество. Все они живые люди, у каждого есть друзья и родственники.

Неизвестно, где произошла утечка.

Поэтому Цзи Вэйцю напряг память и убедился, что с младшим Цянем он встречался лишь раз, в том самом заведении, а старшего и вовсе не видел.

— Брат, я не совсем понимаю, — уверенно сказал он.

— Цянь Чживэй погряз в коррупции, его преступлениям нет числа, и наказание неминуемо. То, что это затронуло его семью, неудивительно. Больше всего пострадали его клан и его сыновья. Как только указ будет издан, они станут потомками преступника, не смогут сдавать экзамены... то есть участвовать в государственных экзаменах, не смогут служить. Для их семьи лучше пожертвовать хвостом, чтобы спастись.

Цзи Вэйцю подумал.

— А может, это тот, кто за ним стоит, намекнул? Для них смерть Цянь Чживэя — это конец всем проблемам. А клан Цянь получит славу тех, кто, разрываясь между долгом и сыновней почтительностью, пожертвовал малым ради великого. С такой репутацией их путь в будущем не будет закрыт.

Цзи Су, не выказывая ни радости, ни гнева, спокойно смотрел на него, словно говоря: «Продолжай сочинять».

По его виду Цзи Вэйцю понял, что брат не поверил ни единому его слову. Нет, не то чтобы не поверил, он считал, что всё это возможно, но главным подозреваемым всё равно оставался он.

Какая ему от этого выгода?! Почему брат думает, что это он?!

Цзи Вэйцю почувствовал, что его оклеветали.

— Я действительно ничего об этом не знаю. Брат, если ты считаешь, что я в чём-то виновен, проверяй, не щадя меня.

В ушах Цзи Су это прозвучало как вызов. Он считал, что сегодня уже дал этому ребёнку, которого сам вырастил, множество шансов.

Покушение на реке, волнения лже-князя — всё указывало на него, на князя Жуя. Он думал, что это подстроено, но сегодня Цянь Чживэй умер, Цзи Вэйцю расспрашивал канцлера Гу, потом ни с того ни с сего захотел покинуть дворец, да ещё и так складно объяснил смерть Цянь Чживэя... Он что, думал, что никто не знает, что тот гвардеец — шпион, а старик, продающий маски, — его человек?

В его словах была хоть капля правды?

Цзи Су внезапно почувствовал разочарование.

— Уходи.

Услышав это, Цзи Вэйцю вспыхнул. Он хотел тут же уйти. Ну и дурак же он! Его ни с того ни с сего отправили в Цзяннань, потом так же ни с того ни с сего вернули. Его отравили, а он и не думал винить брата, думал лишь о том, как тот устал, как больной, спешил из загородной усадьбы в столицу, прятался во дворце, словно преступник. И вот что он получил взамен!

Он считал его родным братом, а тот его, видимо, нет!

Раз так, зачем было учить его искусству управления? Боялся, что он, как наживка для лже-князя, окажется слишком глуп и его убьют на полпути? Не получится извлечь максимальную выгоду?!

А он ещё растрогался, идиот!

Цзи Вэйцю отдёрнул занавеску и уже собирался выпрыгнуть из кареты, но гунгун Цинси схватил его и силой усадил обратно.

— Ваше Высочество, осторожнее! Разве можно так прыгать!

Цинси всё слышал, но ничего не понимал. Только что они смеялись и шутили, и вдруг поссорились?

— Государь не может на вас долго сердиться, — прошептал он. — Уступите.

Цзи Вэйцю, не глядя на Цзи Су, уже хотел было сказать: «Да разве я смею сердиться на Государя? Кто я такой? Разве я достоин?!», но вдруг замер. Он понял: если он сейчас уйдёт, это будет равносильно признанию вины!

Его брат... Цзи Су — не обычный человек. То, что он сегодня спросил его в лицо, уже было большой уступкой для него, как для брата. Будь на его месте кто-то другой, он бы уже сидел в тюрьме.

Цзинси с тревогой смотрел то на Цзи Су, то на Цзи Вэйцю.

— Ай-яй-яй, это... Ваше Высочество, Государь, это... разве братья долго держат обиду?

Не успел он договорить, как Цзи Вэйцю, без тени смущения, снова опустил занавеску.

— Почему не уходишь? — медленно произнёс Цзи Су.

Несмотря на ночную тьму, глаза Цзи Су, казалось, проникали в самую душу, их острота пугала. Цзи Вэйцю помнил этот взгляд. Таким взглядом Цзи Су смотрел на седьмую принцессу, которая выросла рядом с их матерью, когда убивал её.

Во рту у Цзи Вэйцю пересохло, и он невольно усмехнулся про себя: «Смотри, смотри, ради жизни ты готов унижаться и сидеть здесь? Где твоя гордость? Где твоё достоинство? Уходи! Всего лишь жизнь, что такого!».

— А я не уйду! — в гневе крикнул Цзи Вэйцю. — Я не знаю, чем я тебя так разозлил! Какое отношение смерть Цянь Чживэя имеет ко мне? Я его видел-то пару раз! Если бы ты не дал мне эти доклады, мне было бы плевать, жив он или мёртв, это не моё дело!

— Брат, я не знаю, о чём ты думаешь, — с отчаянием сказал Цзи Вэйцю. — Брат, скажи, что не так, я тебе всё объясню, хорошо? Я здесь, делай со мной что хочешь, проверяй как хочешь. Моя резиденция в трёх улицах отсюда, дойти можно за четверть часа. Если что-то не так, проверяй, переверни там всё вверх дном.

— Или лиши меня княжеского титула, я буду обычным членом клана. Запри меня, давай мне еду и одежду, и хватит. Если хочешь, посади меня в тюрьму Суда Дали, я согласен!

— Ты думаешь, я не посмею? — возразил Цзи Су.

— Это я не посмею... — сказал Цзи Вэйцю. — Это я со злости, не хочу я в тюрьму.

Сказав это, Цзи Вэйцю вдруг почувствовал, что вот-вот заплачет. Он стиснул зубы, но глаза всё равно затуманились. Ему было стыдно, он хотел их вытереть, но не решался и лишь опустил голову.

Кажется, ему было по-настоящему обидно.

Кажется, он и впрямь обиделся, — медленно подумал Цзи Су.

...Ладно, сегодня он его предупредил, впредь тот, наверное, не будет таким безрассудным.

— Какое отношение к тебе имеет шпион в Лазурной Гвардии? — спросил он.

Цзи Вэйцю яростно заморгал.

— О ком ты?

— О том, что был сейчас.

До Цзи Вэйцю дошло, и он остолбенел.

— Кто? Тот, что купил мне пироги? Он шпион?!

Цзи Су не ответил, что было равносильно подтверждению.

— Я клянусь, я не знаю, кто он! — воскликнул Цзи Вэйцю, готовый поклясться на чём угодно.

— Я его не знаю, я увидел, что он стоит неприметно, и просто попросил сбегать за пирогами!

— Хорошо, — кивнул Цзи Су.

И больше ни слова.

Цзи Вэйцю не ожидал, что Цзи Су так просто ему поверит.

— Правда, я не знаю, что он шпион! — повторил он. — Если бы он был шпионом, разве я стал бы так открыто им командовать? Я что, не понимаю, что нужно избегать подозрений?

— Я понял, — ровным голосом ответил Цзи Су, бросив на него холодный взгляд.

Ничего ты не понял!

Разве Цзи Вэйцю не слышал в его голосе насмешку?

Он попытался вспомнить, что он сегодня делал, но не мог понять, что заставило Цзи Су заподозрить его. Что бы он ни говорил, это выглядело бы как оправдание. Оставалось одно: сидеть тихо, вести себя смирно и ждать, пока буря утихнет... Он больше никогда не хотел во

дворец.

Он действительно жалел, что приехал из загородной усадьбы во дворец.

Цзи Су проявил к нему немного доброты, а он и рад был прибежать. Сам виноват.

Карета неспешно ехала. После долгого молчания они наконец въехали на территорию Запретного города. Цзи Вэйцю дождался, пока карета остановится, и нетерпеливо выскочил. Подождав, пока выйдет Цзи Су, он молча последовал за ним в боковой дворец.

Нужно вести себя смирно.

И не на что не надеяться... Сев на трон, его брат перестал быть его братом. Он был наследным принцем Цзи Вэйсу, а не императором Цзи Су.

Ночь была тёмной. Цзи Вэйцю кое-как умылся и лёг спать. Проснулся он, когда солнце было уже высоко. Лекарство от императорского лекаря Ху он выпил рано утром, ещё в полусне. Сяо Чжо тогда спросил, не хочет ли он выйти погреться на солнце. Он отказался.

Зачем? Чтобы мозолить глаза Цзи Су?

То, что его не посадили в тюрьму, уже было большой милостью.

Услышав шум, Сяо Чжо вошёл и тихо спросил:

— Ваше Высочество, не желаете встать?

— Уйди, — ответил Цзи Вэйцю.

Сяо Чжо поклонился и тихо вышел. Цзи Вэйцю лежал недолго, как вдруг снаружи послышался шум. Он не пошевелился, лениво думая: «Кто это? Кто смеет шуметь в Дворце Ясного Покоя? Жить надоело?».

— Вдовствующая императрица!

— Ваше Сиятельство, в боковой дворец без приказа Государя входить нельзя!

— Ваше Сиятельство!

— Вы смеете меня останавливать? — раздался снаружи знакомый женский голос. — Это дело

государственной важности, не вам тут вмешиваться, прочь с дороги!

Цзи Вэйцю вздрогнул. Матушка? Как она здесь оказалась?!

Не успел он ничего сообразить, как двери бокового дворца с грохотом распахнулись. В комнату вошла величественная фигура в фиолетовом дворцовом платье. Фрейлина холодно произнесла:

— Почему не выходишь приветствовать вдовствующую императрицу?!

Цзи Вэйцю: «...».

Что делать?! Прятаться или нет?!

Не успел он подняться, как его мать уже вошла. Увидев Цзи Вэйцю, сидящего на кровати и обнимающего одеяло, она замерла. Цзи Вэйцю увидел свою мать, разодетую в пух и прах.

Они уставились друг на друга.

...

Час спустя в Дворце Ясного Покоя за столом сидели вдовствующая императрица, Цзи Су и Цзи Вэйцю.

— Старший, — с улыбкой сказала вдовствующая императрица, — ну что же ты, твой брат тайно вернулся, а ты мне даже не сказал? Я слышала, то на него покушались, то его отравили, я так волновалась!

Потом она повернулась к Цзи Вэйцю.

— И ты хорош, вернулся, а раз брат не велел говорить, ты не мог тайно прийти и сказать мне? Посмотри, как исхудал! И вообще, поездка в Цзяннань — это же просто развлечение, а ты умудрился в такие неприятности влипнуть...

— Матушка... — Цзи Вэйцю хотел было что-то объяснить, но его мать, прижав руку к груди, всхлипнула.

— Не говори, я, женщина, в ваших придворных делах ничего не понимаю... Ешьте, посмотрите на себя, оба худые, как будто в нашей императорской семье денег нет вас прокормить?

— Ладно, ладно, вы, братья, уже выросли, я вам не указ. Главное, чтобы вы были заодно, тогда я спокойна.

— Вот это блюдо брат-император любит... — поднял руку Цзи Вэйцю.

— Ты ешь, — ровным голосом ответил Цзи Су.

Вдовствующая императрица почувствовала большое облегчение.

<http://bllate.org/book/16115/1587338>